

УДК 341.7

**НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ПОМЕЩЕНИЙ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ
ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: АНАЛИЗ
СООТВЕТСТВУЮЩЕЙ ПРАКТИКИ ГОСУДАРСТВ ПРЕБЫВАНИЯ**

Шумиленко А. П., Пастухова Л. В.

Статья посвящена анализу опасной противоправной практики различных государств пребывания, касающейся систематического невыполнения ими их обязательств по обеспечению неприкосновенности помещений дипломатических представительств Российской Федерации на их территории. Дается обзор основных элементов обязательств государств пребывания в соответствии со статьёй 22 Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 г. Определены и рассмотрены основные виды нарушений обязательств государств пребывания по указанной статье: незаконное проникновение в помещения дипломатических представительств РФ, нанесение ущерба посольствам и миссиям Российской Федерации, нарушение спокойствия дипломатических представительств России, оскорбление достоинства дипломатических представительств РФ, а также осуществление в отношении посольств и миссий Российской Федерации следственных, ограничительных, принудительных и исполнительных действий. Особое внимание уделено обзору и анализу соответствующей международно-правовой практики Соединённых Штатов Америки.

Ключевые слова: дипломатические представительства, помещения дипломатических представительств, иммунитеты дипломатических представительств, неприкосновенность помещений дипломатических представительств.

Одной из крайне тревожных тенденций развития права внешних сношений в начале XXI века стало исключительное обострение проблемы обеспечения неприкосновенности помещений зарубежных органов внешних сношений аккредитующих государств на территории соответствующих государств пребывания [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7]. Современная история международных отношений содержит весьма значительное количество примеров ситуаций, когда очевидная несостоятельность или откровенное нежелание конкретных государств пребывания принимать соответствующие меры приводили к серьёзному нарушению ими их обязательств по *Венской конвенции о дипломатических сношениях* 1961 г. [8] (далее – ВК–1961) по обеспечению неприкосновенности помещений посольств и миссий (дипломатических представительств) иностранных государств на их территории. Ещё 12 лет назад наиболее яркими примерами таких ситуаций можно было считать многочисленные инциденты 2011–2012 гг., касающиеся грубого нарушения неприкосновенности помещений дипломатических представительств Сирии в Лондоне, Вене, Риме, Каире, Афинах, Варшаве, Праге и др. городах мира [9, с. 1–6]. Однако с 2014 г. упомянутая проблема стала наиболее актуальной именно для Российской Федерации, неоспоримыми доказательствами чего являются зафиксированные Россией и задокументированные впоследствии Генеральным секретарём ООН в его докладах «Рассмотрение эффективных мер по усилению защиты, безопасности и охраны дипломатических и консульских представительств и представителей» многочисленные примеры вопиющих нарушений Австрией, Болгарией, Великобританией, Грецией, Ирландией, Италией, Латвией, Литвой, Молдовой, Нидерландами, Польшей, Румынией, Словакией, Словенией, США, Украиной, Францией, Чехией, Швейцарией, а также Эстонией их обязательств перед РФ по ВК–1961 [10; 11, с. 10–14; 12, с. 23–39].

По нашему убеждению, формированию объективного представления о теоретических и практических нюансах проблемы обеспечения неприкосновенности помещений дипломатических представительств государств способствуют научные труды следующих исследователей: Й. Бао [13], Э. Денза [14, с. 112–148; 15, с. 135–179; 16, с. 110–148], Ю. Г. Дёмин [17, с. 35–64], М.-Б. А. Исмаил [18], С. И. Налик [19, с. 273–285], К. К. Сандровский [20, с. 163–172], Э. Сатоу, Лорд Гор-Бусс, Д. Пакенхем [21, с. 109–115], А. Робертс [22, с. 101–112; 23, с. 222–245], а также Х. Э. Фалкони Пью [24], М. Харди [25, с. 41–48] и др. [26, с. 54–84; 27; 28]. Следует также особо подчеркнуть, что в отечественной научной литературе анализу соответствующей теории и практики государств по выполнению их обязательств, определённых ст. 22 ВК–1961, посвящено недостаточно внимания.

Неприкосновенность помещений – один из важнейших иммунитетов посольств и миссий иностранных государств на территории государства пребывания [13, с. 149], обеспечивающий нормальное функционирование указанных зарубежных органов внешних сношений аккредитуемых государств. Ю. Г. Дёмин абсолютно справедливо отмечает, что ВК–1961 не устанавливает никаких ограничений относительно размеров помещений дипломатического представительства, а также количества зданий, используемых в качестве его «помещений» [17, с. 35] («здания или части зданий, используемые для целей представительства, включая резиденцию главы представительства, кому бы ни принадлежало право собственности на них, включая обслуживающий данное здание или часть здания земельный участок» (ст. 1 (i) ВК–1961) [8, с. 98, 147]). Более того, исходя именно из функциональной теории обоснования дипломатических привилегий и иммунитетов, в п. 3 ст. 41 ВК–1961 было предусмотрено, что помещения дипломатического представительства «не должны использоваться в целях, не совместимых с функциями представительства, предусмотренными настоящей Конвенцией, или другими нормами общего международного права, или же какими-либо специальными соглашениями, действующими между аккредитуемым государством и государством пребывания» [8, с. 120, 159].

Поскольку в практике государств изначально не разграничивались личная резиденция посла и помещения дипломатического представительства [14, с. 221; 18, с. 88; 19, с. 374; 21, с. 122; 22, с. 126; 23, с. 225], а неприкосновенность помещений посольства или миссии рассматривалась именно как естественное продолжение иммунитета личной неприкосновенности посла («каждый монарх должен проявлять ... уважение к личному жилищу официального представителя, если ему отвратительна ... мысль о столь заслуживающем наказания преступлении, как вторжение в дом, который должен быть священным и неприкосновенным» [26, с. 82]), неудивительно, что запрет представителям каких бы то ни было органов власти государства пребывания вступать в любую часть помещений дипломатического представительства аккредитуемого государства без явно выраженного предварительного согласия главы этого представительства (п. 1 ст. 22 ВК–1961 [8, с. 106, 152]) носит сегодня абсолютный характер. Эта норма дипломатического права не предусматривает никаких исключений (тем самым лишая государства пребывания возможности предполагать что-либо вообще – либо возникновение исключительных обстоятельств, либо само наличие согласия главы посольства [19, с. 275]) – она должна быть соблюдена даже в случае пожара или потопа в помещениях дипломатического представительства либо при землетрясении (К. К. Сандровский был прав, подчёркивая,

что Венская конференция абсолютно обоснованно отвергла противоположный подход как «опасный путь, ведущий, по существу, к подрыву ... идеи неприкосновенности» [20, с. 167]). В связи с этим, однако, в практике государств случались и курьёзы – в своё время в результате пожара было частично разрушено здание посольства СССР в Канаде, поскольку канадским пожарным было отказано в доступе в помещения, а усилия членов персонала самостоятельно погасить огонь не увенчались успехом [19, с. 275]. Если же глава дипломатического представительства отсутствует или по определённым причинам лишён возможности решить указанный вопрос, государство пребывания обязано (п. 1 ст. 19 ВК–1961 [8, с. 106, 151]) обратиться с соответствующим запросом относительно разрешения (согласия) или к временному поверенному в делах, или непосредственно к правительству аккредитующего государства. Например, в 1980 г. вступление представителей органов власти Гватемалы в помещения посольства Испании по просьбе членов персонала, а не главы представительства привело к серьёзному конфликту и разрыву дипломатических отношений между этими двумя государствами [17, с. 43]. В то же самое время Ю. Г. Дёмин полагает, что форс-мажорные обстоятельства (например, захват помещений посольства или миссии террористами) по общему международному праву можно рассматривать в качестве единственного исключения из правила, определённого в п. 1 ст. 22 ВК–1961 [17, с. 44]. Например, осуществлённая в апреле 1997 г. спецподразделениями Перу без ведома и без разрешения правительства Японии операция по освобождению 480 человек, захваченных в заложники в декабре 1996 г. во время приёма в резиденции японского посла в Перу, была воспринята Премьер-министром Японии с пониманием и благодарностью [17, с. 45]. Поскольку представители органов власти государства пребывания не могут проникнуть по своему желанию в помещения иностранного посольства (или миссии) без согласия его главы (т. е. посла, посланника, поверенного в делах, временного поверенного в делах), фактически исключается любая возможность осуществления в отношении как самих помещений, так и предметов их обстановки, любого другого находящегося в них имущества, а также средств передвижения представительства таких действий, как обыск, арест или реквизиция, а также исполнительных действий (п. 3 ст. 22 ВК–1961 [8, с. 108, 152]) [24, с. 174; 25, с. 44–45]. Например, 19 декабря 2005 г. Арбитражный трибунал по дипломатическому иску Эритреи против Эфиопии подчеркнул в своём решении, что насильственное проникновение представителей органов власти Эфиопии в помещения посольства Эритреи, а также их дальнейший обыск не могут быть оправданы предположением государства пребывания об осуществлении в помещениях иностранного дипломатического представительства враждебной по отношению к государству пребывания деятельности [16, с. 123].

В соответствии с положениями п. 2 ст. 22 ВК–1961, на государстве пребывания лежит «специальная обязанность принимать *все надлежащие меры для защиты помещений представительства от всякого вторжения или нанесения ущерба* и для предотвращения всякого *нарушения спокойствия* представительства или *оскорбления его достоинства*» [8, с. 108, 152] (курсив наш. – А.П.Ш., Л.В.П.) любыми действиями как представителей органов власти государства пребывания, так и частных лиц. В частности, одним из ярких примеров нарушения государством обязательств по п. 2 ст. 22 ВК–1961 является организация в 1989 г. (во время интервенции США в Панаме) полётов американских военных самолётов над помещениями представи-

тельства Ватикана, чтобы вынудить получившего в них убежище экс-президента Панамы Мануэля Норьега их покинуть [17, с. 46]. Обязанность государства пребывания принимать *все надлежащие меры* для защиты помещений дипломатического представительства от посягательств частных лиц охватывает:

1) организацию (*в случае необходимости*) местными органами власти физической охраны иностранного посольства или миссии, а также пресечение каких бы то ни было нападений, вторжений, угроз либо прочих посягательств [25, с. 47] (например, в ноябре 1979 г. во время поджога здания посольства США в Исламабаде в ходе разбушевавшейся антиамериканской демонстрации правительство Пакистана обеспечило срочную эвакуацию с помощью вертолётов всех дипломатов США, осаждённых в посольстве [20, с. 165]); некоторые аспекты упомянутых обязательств государство пребывания может (и должно) учитывать ещё на стадии первоначального поиска помещений (п. 1 ст. 21 ВК–1961 [8, с. 106, 151]), особенно в том случае, если аккредитуемое государство обратилось к нему с отдельной просьбой усилить меры защиты помещений его дипломатического представительства в соответствии с положениями отдельных нормативно-правовых актов аккредитуемого государства;

2) проведение (*в случае явно имевшего место либо предполагаемого* (особенно аккредитуемым государством) *нарушения*) тщательного и беспристрастного расследования, а также осуществление справедливого наказания виновных лиц (например, упомянутые международно-правовые обязательства США более детально регламентированы нормами Закона о защите иностранных должностных лиц и официальных гостей США 1972 г. (ч. 22/d Главы II Раздела 22/1115 (6:120)) [17, с. 51]; а в упомянутом нами ранее примере из практики Пакистана правительство государства пребывания объявило позднее об аресте и привлечении к суду военного трибунала более 10 организаторов нападения на посольство США и допросах следственными органами ещё 40 человек по этому делу [20, с. 165]; похожая ситуация наблюдалась и в Египте в 2011 г., когда полиция государства пребывания в конечном итоге взяла ситуацию под свой контроль и обеспечила дальнейшее привлечение к ответственности всех виновных в нападении на посольство Израиля в Каире пропалестинских революционеров (9–11 сентября они снесли оборонительную стену посольства, вторглись в его помещения, обыскали их, вышвырнули из окон документы и вынудили эвакуировать военными самолётами из Египта весь персонал посольства Израиля) [16, с. 135; 18, с. 90]);

3) обеспечение адекватного возмещения причинённого вреда (адекватной компенсации нанесённого ущерба) (соответствующие международно-правовые обязательства ФРГ конкретизированы, например, положениями статьи «Исключительные возмещения» федерального бюджета Германии, в которых предусмотрена обязательная компенсация ущерба, нанесённого демонстрантами в ФРГ иностранным посольствам и миссиям [17, с. 52]; наглядным примером компенсации нанесённого нематериального ущерба являются официальные извинения министра иностранных дел Сирии на следующий день после того, как 14 ноября 2011 г. в ответ на решение Лиги арабских государств о приостановлении членства Сирии (из-за её неспособности осуществить планы ЛАГ по прекращению насилия) тысячи сторонников правительства Б. Асада напали на посольства Саудовской Аравии, Катара, Турции и Франции, а полиция государства пребывания не предоставила им никакой защиты [16, с. 135]; ещё один похожий пример имел место в практике Польши, когда её

Президент Бронислав Коморовский в заявлении в эфире радиостанции ZET публично принёс извинения за погромы («абсолютный скандал, который никак нельзя оправдать»), устроенные в День независимости Польши 11 ноября 2013 г. польскими националистами во время «Марша независимости» возле здания посольства Российской Федерации в Варшаве (в результате действий многотысячной агрессивно настроенной толпы в течение нескольких часов было заблокировано нормальное функционирование посольства РФ, а его имуществу был нанесён материальный ущерб) [28, с. 57, 53–54].

Как утверждает Э. Денза, в современной практике государств наблюдается сильная тенденция к обязательной выплате государством пребывания компенсации аккредитуемому государству в любом случае [15, с. 166], особенно, когда это нарушение неприкосновенности помещений иностранного посольства или миссии частными лицами: а) было организовано либо спровоцировано государством пребывания; б) стало следствием попустительства или отсутствия должной осмотрительности (пер. с англ. «*due diligence*») государства пребывания (например, результатом халатности, небрежности, невнимательности, медлительности и т. п., препятствующих предотвращению соответствующих нарушений); в) не повлекло за собой наказание (привлечение к ответственности) всех виновных лиц [17, с. 53]. Например, через несколько дней после того, как в апреле 2011 г. в Триполи разъярённая толпа нанесла ущерб посольствам Франции, США и Катара, а дипломатическое представительство Великобритании сожгла в ходе нападения, в отсутствие удовлетворительных извинений или возмещения причинённого вреда последняя выслала ливийского посла со своей территории [16, с. 135]. В похожей ситуации, когда в конце ноября 2011 г. в ответ на новые санкции (введённые против Ирана после доклада МАГАТЭ о предполагаемой реализации Ираном программы создания ядерного оружия) Иран вознамерился выслать британского посла, а толпа демонстрантов на следующий день с камнями и бомбами с зажигательной смесью напала на британское посольство, сорвала его флаг, разграбила помещения, разбила портреты королевы и другое имущество и сожгла машину посольства, пока рядом стояла и бездействовала иранская полиция, Великобритания на следующий день закрыла её посольство в Тегеране и дала иранским дипломатам в Лондоне 48 часов на то, чтобы покинуть государство пребывания. Правительство Ирана лишь один раз формально выразило сожаление по поводу событий в Тегеране, заявив при этом, что иранское посольство в Лондоне тоже подверглось нападению толпы [16, с. 136].

В дипломатической практике государств случались и случаи, когда нарушение государством пребывания неприкосновенности помещений посольства или миссии аккредитуемого государства являлось результатом действий именно последнего из них. Например, в 1966 г. дипломатический казус, возникший в отношениях между Китайской Республикой (КР, Тайвань), Китайской Народной Республикой (КНР), а также Францией и ЮНЕСКО, стал следствием одностороннего решения аккредитуемого государства об изменении характера его зарубежного органа внешних сношений: после официального признания правительством Франции правительства КНР в январе 1964 г. посольство КР (представлявшее в Париже до этого момента интересы китайского националистического правительства Тайваня) объявило, что преобразуется в постоянное представительство КР при ЮНЕСКО (где оно в то время ещё официально представляло весь Китай); тем не менее, правительство Фран-

ции требовало передать помещения посольства КР представителям недавно признанного правительства КНР и предложило предоставить представительству при ЮНЕСКО новые помещения; в ответ на отказ представителей Тайваня принять все предложенные государством пребывания варианты 12 марта 1966 г. на основании обращения, поступившего от Кэ д'Орсэ (МИД Франции – транслит. с фр. «*Quai d'Orsay*»), помещения посольства КР были заняты подразделениями национальной полиции Франции и без каких-либо происшествий переданы представительству правительства КНР; несмотря на решительные протесты в адрес французского правительства со стороны главы дипломатического представительства КР и Генерального директора ЮНЕСКО, большинство специалистов по проблемам права внешних сношений квалифицировали действия Франции как правомерные (во-первых, отказ Франции от ранее предоставленного ею КР признания националистического правительства Тайваня автоматически лишил представительство КР права занимать соответствующие помещения, принадлежавшие теперь уже КНР; во-вторых, органы власти государства пребывания несли ответственность за обеспечение сохранения и передачи всей собственности китайского государства законному представителю признанного Францией правительства КНР; в-третьих, адресованные представительству КР (Тайваня) при ЮНЕСКО предложения государства пребывания по поводу его обеспечения адекватными новыми помещениями явно свидетельствуют о том, что правительство Франции пыталось добросовестно выполнять обязательства, определённые ст. 18 Соглашения о штаб-квартире ЮНЕСКО 1954 г.) [27, с. 90–91].

Э. Денза и Ю. Г. Дёмин абсолютно обоснованно подчёркивают, что теория и практика современных дипломатических отношений государств, к сожалению, не дают однозначного ответа на вопрос о конкретных границах неприкосновенности помещений дипломатических представительств [14, с. 126; 17, с. 55].

Общий обзор практики государств пребывания по вопросам обеспечения защиты, безопасности и охраны посольств и миссий Российской Федерации за период 2014–2024 гг. позволяет выделить следующие *основные виды нарушений обязательств государств пребывания по ст. 22 ВК–1961*:

1) *незаконное проникновение в помещения дипломатических представительств РФ* (п. 1 ст. 22 и п. 2 ст. 22): а) *вторжение представителей органов власти государства пребывания в помещения посольства РФ* имело место в США (в период с декабря 2016 г. по апрель 2018 г. в рамках осуществления комплекса носивших провокационный и враждебный характер насильственных мер, якобы имплементирующих положения Акта об иностранных миссиях 1982 г. и принятых на его основе «определений» Государственного секретаря США [11, с. 11], американское правительство санкционировало насильственное – со взламыванием замков и выведением из строя въездных ворот – проникновение представителей органов власти США [11, с. 12] в часть помещений Посольства Российской Федерации (по адресу: 115 Town Point Lane, Centreville, MD), использовавшуюся в целях проведения протокольных мероприятий [11, с. 11]; в дальнейшем регулярный доступ в эти помещения представителей властных структур США осуществлялся как в отсутствие согласия, так и без уведомления РФ [11, с. 13]); б) *вторжение частных лиц на территорию посольств и миссий России* было зафиксировано и пресечено в Словакии (30.04-01.05.2022) [12, с. 39]; а также в) *«нарушение воздушного пространства» над территорией дипломатических представительств России беспилотными летатель-*

ными аппаратами (БЛА) было зафиксировано в Чехии (27.02.2022, 02.03.2022 и 03.03.2022) [12, с. 29–30];

2) нанесение ущерба дипломатическим представительствам Российской Федерации (п. 2 ст. 22): а) применение угроз причинением вреда помещениям, имуществу и членам персонала посольств и миссий – дипломатическим представительствам России по почте и электронной почте поступали: угрозы общего характера (в США (24.02.2022), Франции (25.02.2022) и Греции (26.02.2022)); угрозы совершения террористических актов в зданиях посольств РФ (в Молдове (06-08.2020), Австрии (02-03.2022), Чехии (26.02.2022, 02.03.2022), Польше (9, 14, 18, 19.03.2022) и США (07.04.2022)); предупреждения о заминированных ТС дипломатических представительств РФ (в Швейцарии (22.02.2022 и 24.02.2022)); б) попытки нанесения серьёзного ущерба дипломатическим представительствам РФ предпринимались в Украине (неоднократно осуществлялись попытки поджога с использованием взрывпакетов (14.04.2014), ёмкостей с зажигательной смесью (9-10.03.2016), а также файеров (25.11.2018, 14.03.2020) и сигнальных ракетниц (14.03.2020)) и Нидерландах (03.03.2022 на территорию консульского отдела Посольства РФ в Гааге забросили рюкзак, в котором спрятали газовый баллон, завёрнутый в пропитанную горючей жидкостью ткань; к счастью, это устройство не сработало! [12, с. 38]); в) причинение вреда зданиям, ограждениям и имуществу посольств и миссий (приблизительный перечень повреждений охватывает: повреждения фасада и стен зданий (в Литве (02-03.2022)); разбитые стёкла окон помещений (в Украине (06.03.2016), Польше (26.02.2022), Швейцарии (26-27.02.2022) и Эстонии (03.03.2022)); повреждённые ограждения (в Украине (16.06.2018), Чехии (27.02.2022) и Литве (02-03.2022)); сломанные ворота (в США, Исландии (27.02.2022), а также Ирландии (07.03.2022)); взломанные замки (в США); испорченные видеочамеры (в Украине (06.03.2016), Чехии (24.02.2022), Эстонии (26.02.2022)); разбитый информационный стенд (в Чехии (21-22.08.2019))); г) забрасывание помещений, ограждений и территории посольств и миссий РФ посторонними предметами: пиротехническими средствами (дымовыми шашками и петардами) – в Украине (14.04.2014, 06.03.2016, 16-17.09.2016, 14.03.2020); камнями – в Украине (14.04.2014, 22.06.2014), а также Швейцарии (26-27.02.2022); ёмкостями и пакетами с краской – в Украине (14.04.2014, 22.08.2014, 06.03.2016, 06.03.2022), Австрии (07.04.2022), Чехии (24.02.2022, 26.02.2022, 27.02.2022), США (24.02.2022), Эстонии (24.03.2022, 3-4.04.2022), Польше (26.02.2022, 28.03.2022), Словении (26.02.2022), Великобритании (26.02.2022), Ирландии (27.02.2022), Латвии (02.03.2022, 12.04.2022), Болгарии (27-29.02.2022) и Италии (02.03.2022)); пищевыми продуктами – яйцами (в Украине (06.03.2016, 24.02.2022), Чехии (24.02.2022, 26.02.2022), Швейцарии (26-27.02.2022), Эстонии (26.02.2022, 16.04.2022), а также Латвии (28.02.2022)), помидорами и кетчупом (в Чехии (18.04.2021, 24.02.2022, 26.02.2022)); мусором – стеклом (в Чехии (21-22.08.2014)), бытовыми отходами (в Исландии (27.02.2022)), а также продуктами жизнедеятельности домашних питомцев (в Чехии (27.02.2022)); д) нанесение повреждений транспортным средствам посольств и миссий – происходило в Украине (14.06.2014, 06.03.2016), Канаде (24.02.2022), Словении (26.02.2022), Исландии (27.02.2022), Ирландии (03.03.2022), Швейцарии (05.03.2022) и Эстонии (11.04.2022) [10; 11; 12];

3) нарушение спокойствия дипломатических представительств России (п. 2

ст. 22): а) создание общих помех нормальному функционированию посольств и миссий наблюдалось в США (с декабря 2016 г. по апрель 2018 г.), Украине (с 2018 г.) и Молдове (с 25.03.2022); б) перекрытие (блокировка) входа (въезда), а также ограничение доступа членов персонала и посетителей в помещения дипломатических представительств имели место в Украине (18.03.2018, 25.11.2018, 11.05.2019 и 26.01.2022), Канаде (24.02.2022), Ирландии (начиная с 24.02.2022), Греции (26.02.2022), Чехии (27.02.2022), США (27.02.2022), а также Эстонии (13.04.2022); в) препятствование передвижению автотранспортных средств посольств и миссий осуществлялось в Украине (22.02.2014), США (26.02.2022) и Латвии (12.04.2022 – неустановленные ТС неоднократно пытались спровоцировать создание аварийных ситуаций с участием служебных ТС дипломатического представительства РФ); а также г) интенсивное звуковое воздействие на работу посольств и миссий оказывалось в Украине (30.06.2021) и Чехии (02.03.2022 и 03.03.2022) [10; 11; 12];

4) оскорбление достоинства дипломатических представительств РФ (ст. 20 и п. 2 ст. 22): а) совершение оскорбительных действий в отношении РФ (устное использование агрессивной антироссийской риторики, русофобских лозунгов и ненормативной лексики вблизи посольств и миссий России наблюдалось в Украине (26.05.2021, 26.01.2022), США (26.02.2022) и Эстонии (13.04.2022)); б) совершение оскорбительных действий в отношении государственных символов РФ (осквернение государственного флага России имело место в Украине (14.06.2014, 14.03.2020), Чехии (26.02.2022) и Эстонии (19.03.2022)); в) совершение оскорбительных действий в отношении помещений посольств и миссий России (внешние ограждения (ограды, заборы, стены) дипломатических представительств либо обвешивались (обклеивались) вывесками, плакатами и наклейками антироссийского содержания (в Украине (26.05.2021), Чехии (27.02.2022), Эстонии (13.04.2022)), либо раскрашивались в цвета флага Украины (в Украине (22.08.2014)), либо исписывались нецензурными надписями (в Австрии (07.04.2022)), проукраинской символикой (в США (27.02.2022)) и нацистской символикой (в Чехии (27.02.2022) и Эстонии (13.04.2022)); на фасад и внешние стены зданий посольств и миссий проецировались оскорбительные (а также русофобские по содержанию) видеозаписи (в Украине (18.03.2018)), изображения, надписи, фото (в Украине (12.06.2020, 07.10.2020, 30.06.2021)), а также проукраинские символы (в США (16.03.2022))) [10; 11; 12];

5) осуществление в отношении дипломатических представительств РФ следственных, ограничительных, принудительных и исполнительных действий (п. 3 ст. 22): после вторжения представителей органов власти США в помещения посольства РФ (в период с декабря 2016 г. по апрель 2018 г.) государство пребывания неоднократно потворствовало нарушениям иммунитета упомянутых помещений, предметов их обстановки и другого находящегося в них имущества от обыска, реквизиции, ареста и исполнительных действий (что подтверждается примерами осуществления: следственных действий (под видом так называемых «осмотров» либо «инспекций» в них проводились обыски [11, с. 12]); ограничительных действий (РФ была лишена доступа к используемой ею в суверенных целях собственности [11, с. 11]: поскольку Государственный департамент США систематически отказывал России в предоставлении доступа в часть помещений её же посольства (по адресу: 115 Town Point Lane, Centreville, MD), несмотря на предусмотренный его же нотами «разрешительный порядок» их посещения российскими представителями, РФ была

фактически полностью и на протяжении продолжительного времени лишена возможности контроля над этим объектом, доступа в него и осуществления в отношении него принадлежащих ей правомочий [11, с. 13]); и *принудительных действий* (российское дипломатическое представительство, члены его персонала, а также члены их семей были фактически изгнаны из занимаемых ими на законных основаниях помещений [11, с. 11])); при этом правительство США утверждало, что все его действия полностью соответствовали международному праву и национальному законодательству, и, несмотря на систематические протесты РФ, не предпринимало никаких мер для прекращения своего противоправного поведения и урегулирования ситуации, а также не привлекло к ответственности ни одно из лиц, причастных к планированию, организации и осуществлению вторжения в помещения посольства РФ и их дальнейший фактический захват [11, с. 13] (и весьма показательным, что с ранее упомянутых помещений, вопреки неоднократным протестам МИД России, представители органов власти США сняли и удалили госфлаги РФ [11, с. 13]).

Необходимо отдельно подчеркнуть, что нарушения неприкосновенности помещений дипломатических представительств РФ неоднократно происходили при откровенном попустительстве правоохранительных органов государств пребывания – США (в период с декабря 2016 г. по апрель 2018 г. [11, с. 12–13]), Украины (в период лето–осень 2016 г. [10, с. 4–5], а также 12.06.2020 [12, с. 25]), Чехии (18.04.2021 [12, с. 28]), Ирландии (07.03.2022 [12, с. 34]), Латвии (12.04.2022 [12, с. 38]) и Эстонии (13.04.2022 [12, с. 36]).

Таким образом, анализ доктрины международного права и соответствующей практики государств пребывания позволяет сделать следующие выводы:

во-первых, если в XX-ом веке в праве внешних сношений для государств пребывания основным следствием существенного охлаждения межгосударственных отношений с аккредитуемым государством становилось, зачастую, ограничительное применение норм ст. 8 ВК–1961 (гражданство членов персонала) и ст. 11 ВК–1961 (численность персонала), понижение класса представительства (ст. 14 и 15 ВК–1961) и частое объявление дипломатических агентов *persona non grata* (ст. 9 ВК–1961), то в XXI-ом веке в схожих ситуациях государства пребывания всё чаще не стесняясь позволяют себе отступать от обязательств по обеспечению привилегий и иммунитетов дипломатических представительств аккредитуемых государств;

во-вторых, если в XX-ом веке большинство капиталистических государств даже в условиях Холодной войны признавало необходимость соблюдения норм ст. 45 ВК–1961 и было готово, даже в случае вооружённого конфликта, «уважать и охранять помещения представительства вместе с его имуществом и архивами», то в XXI-ом веке для государств «коллективного Запада» в условиях развязанной ими против Российской Федерации экономической войны (их так называемой «санкционной политики») неприкосновенность помещений иностранных дипломатических представительств на их территории утрачивает свой абсолютный характер;

в-третьих, если в XX-ом веке практика применения норм права внешних сношений большинства государств мира характеризовалась соблюдением предписаний ст. 47 ВК–1961 (принцип недискриминации), то в XXI-ом веке у представителей «Западной цивилизации» в моду вошла практика «двойных стандартов» в их отношениях с государствами постсоветского пространства (например, во второй половине прошлого века США убеждали Комиссию международного права ООН в том,

что, поскольку возможность реквизиции дипломатической собственности аккредитуемых государств или же её изъятия путём «осуществления права на принудительное отчуждение» не исключается международным правом абсолютно, в очень исключительных обстоятельствах такое право может быть реализовано, но лишь при условии незамедлительной выплаты компенсации, а также предоставления представительству помощи в поиске альтернативных помещений [16, с. 120], а в XXI-ом веке правительство США санкционирует абсолютно беспардонный захват части помещений российского посольства, настаивает на правомерности своих действий и не намерено предоставлять РФ справедливую компенсацию);

в-четвёртых, если в XX-ом веке минимально необходимым законным основанием для ограничения государством пребывания неприкосновенности помещений иностранных посольств или миссий считалось нарушение аккредитуемыми государствами их обязательств по ст. 41 ВК–1961 (п. 1 – уважать законы и постановления государства пребывания, а также не вмешиваться во внутренние дела этого государства; п. 3 – не использовать помещения представительства в целях, не совместимых с его функциями [25, с. 42]), то в XXI-ом веке достаточным основанием для игнорирования предписаний п. 1 ст. 22 ВК–1961 и предоставления государством пребывания представителям его органов власти права проникать в помещения иностранного посольства или миссии без согласия его главы, похоже, является общее недовольство внешней политикой аккредитуемого государства; но так быть не должно! (поскольку «тем самым выхолащивается и обесмысливается самая суть основополагающих институтов международного дипломатического и консульского права, нарушается фундаментальный принцип *ne impediatur legatio*» [11, с. 14]);

в-пятых, в XX-ом веке, по нашему мнению, прогрессивное развитие международного права прав человека ещё не оказывало ощутимо негативное воздействие на практику реализации государствами норм других отраслей международного права, а в XXI-ом веке, к сожалению, в ущерб исполнению обязательств по праву внешних сношений (по п. 2 ст. 22 ВК–1961), государства пребывания всё чаще бездействуют в случаях перерастания акций протеста и митингов у стен посольств и миссий аккредитуемых государств в откровенную вакханалию беснующей и неудержимой толпы «защитников демократических ценностей», прикрываясь при этом их международно-правовыми и конституционно-правовыми обязательствами по обеспечению прав их граждан на свободу мысли и слова, а также на мирные собрания, митинги и демонстрации [17, с. 49];

в-шестых, фривольное толкование США и их союзниками норм ВК–1961 способно серьёзно пошатнуть всю систему современных международных отношений, поставив под угрозу стабильность международного правопорядка, поскольку «последствия принятых властями США мер, затрагивающих действие международных обязательств характера *erga omnes*, выходят далеко за рамки двусторонних отношений США и России и способны создать крайне нежелательный прецедент» [11, с. 14] (сегодня мы наблюдаем, похоже, очередной – 50 лет спустя – приступ наплевательства США на нормы права внешних сношений: в начале 80-х гг. прошлого века на протяжении длительного времени советские официальные учреждения, включая посольство СССР в Вашингтоне, находились под ударом «разнузданной кампании террора и насилия», осуществляемой при попустительстве органов власти США «некоторыми сионистскими и различными эмигрантскими организациями»

[20, с. 165]).

Список литературы:

1. Consideration of effective measures to enhance the protection, security and safety of diplomatic and consular missions and representatives. Resolution adopted by the General Assembly on 6 December 2010. UN Doc. A/RES/65/30. 10 January 2011 // United Nations. Official Document System. URL: <https://documents.un.org/api/symbol/access?j=N1051434&t=pdf> (дата обращения: 01.05.2024).
2. Consideration of effective measures to enhance the protection, security and safety of diplomatic and consular missions and representatives. Resolution adopted by the General Assembly on 14 December 2012. UN Doc. A/RES/67/94. 14 January 2013 // United Nations. Official Document System. URL: <https://documents.un.org/api/symbol/access?j=N1248424&t=pdf> (дата обращения: 01.05.2024).
3. Consideration of effective measures to enhance the protection, security and safety of diplomatic and consular missions and representatives. Resolution adopted by the General Assembly on 10 December 2014. UN Doc. A/RES/69/121. 18 December 2014 // United Nations. Official Document System. URL: <https://documents.un.org/api/symbol/access?j=N1468754&t=pdf> (дата обращения: 01.05.2024).
4. Consideration of effective measures to enhance the protection, security and safety of diplomatic and consular missions and representatives. Resolution adopted by the General Assembly on 13 December 2016. UN Doc. A/RES/71/145. 20 December 2016 // United Nations. Official Document System. URL: <https://documents.un.org/api/symbol/access?j=N1643730&t=pdf> (дата обращения: 01.05.2024).
5. Consideration of effective measures to enhance the protection, security and safety of diplomatic and consular missions and representatives. Resolution adopted by the General Assembly on 20 December 2018. UN Doc. A/RES/73/205. 11 January 2019 // United Nations. Official Document System. URL: <https://documents.un.org/api/symbol/access?j=N1845830&t=pdf> (дата обращения: 01.05.2024).
6. Consideration of effective measures to enhance the protection, security and safety of diplomatic and consular missions and representatives. Resolution adopted by the General Assembly on 15 December 2020. UN Doc. A/RES/75/139. 22 December 2020 // United Nations. Official Document System. URL: <https://documents.un.org/api/symbol/access?j=N2036905&t=pdf> (дата обращения: 01.05.2024).
7. Consideration of effective measures to enhance the protection, security and safety of diplomatic and consular missions and representatives. Resolution adopted by the General Assembly on 7 December 2022. UN Doc. A/RES/77/108. 19 December 2022 // United Nations. Official Document System. URL: <https://documents.un.org/api/symbol/access?j=N2274197&t=pdf> (дата обращения: 01.05.2024).
8. *Vienna Convention on Diplomatic Relations*. Done at Vienna, on 18 April 1961 // United Nations Treaty Series (UNTS). – 1965. – Vol. 500. – № 7310. – P. 96–126, 146–161.
9. Consideration of effective measures to enhance the protection, security and safety of diplomatic and consular missions and representatives. Report of the Secretary-General. Addendum. UN Doc. A/67/126/Add.1. 28 September 2012 // United Nations. Official Document System. URL: <https://documents.un.org/api/symbol/access?j=N1252821&t=pdf> (дата обращения: 01.05.2024).
10. Рассмотрение эффективных мер по усилению защиты, безопасности и охраны дипломатических и консульских представительств и представителей. Доклад Генерального секретаря. Добавление. UN Doc. A/71/130/Add.1. 5 October 2016 // United Nations. Official Document System. URL: <https://documents.un.org/api/symbol/access?j=N1631120&t=pdf> (дата обращения: 01.05.2024).
11. Рассмотрение эффективных мер по усилению защиты, безопасности и охраны дипломатических и консульских представительств и представителей. Доклад Генерального секретаря. UN Doc. A/73/189. 19 July 2018 // United Nations. Official Document System. URL: <https://documents.un.org/api/symbol/access?j=N1823133&t=pdf> (дата обращения: 01.05.2024).
12. Рассмотрение эффективных мер по усилению защиты, безопасности и охраны дипломатических и консульских представительств и представителей. Доклад Генерального секретаря. UN Doc. A/77/208. 21 July 2022 // United Nations. Official Document System. URL: <https://documents.un.org/api/symbol/access?j=N2243423&t=pdf> (дата обращения: 01.05.2024).
13. Bao Y. The Protection of Public Safety and Human Life vs the Inviolability of Mission Premises: A Dilemma Faced by the Receiving State / Yinan Bao // *Diplomatic law in a new millennium* / ed. by P. Behrens. 1st ed. – Oxford: Oxford University Press, 2017. – P. 149–171.
14. Denza E. *Diplomatic Law. A Commentary to the Vienna Convention on Diplomatic Relations* / Eileen Denza. 2nd ed. – Oxford: Clarendon Press, 1998. – 444 p.
15. Denza E. *Diplomatic Law. A Commentary to the Vienna Convention on Diplomatic Relations* / Eileen Denza. 3rd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – 578 p.
16. Denza E. *Diplomatic law: commentary on the Vienna Convention on Diplomatic Relations* / Eileen Denza. 4th ed. – Oxford: Oxford University Press, 2016. – 471 p.
17. Дёмин Ю. Г. Статус дипломатических представительств и их персонала / Ю. Г. Дёмин: Учебное пособие. – 2-е издание, дополненное. – М.: Междунар. отношения, 2010. – 224 с.
18. Ismail M.-B. A. *Islamic and Transnational Diplomatic Law: a Quest for Complementarity in Divergent Legal Theories* / M.-B. A. Ismail. – UK: Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan, 2016. – XVII, 280 p.

19. *Nahlik S. E.* Development of Diplomatic Law: Selected Problems / S. E. Nahlik // Académie de droit international. Recueil des Cours. – 1990. – Т. 222. – Р. 187–364.
20. *Сандровский К. К.* Дипломатическое право: Учебник для юрид. ин-тов и ф-тов / К. К. Сандровский. – Киев: Вища школа. Головное изд-во, 1981. – 240 с.
21. *Satow's Guide to Diplomatic Practice.* 5th ed. / ed. by *Lord Gore-Booth* and *Desmond Pakenham*. – London, New York: Longman, 1979. – 544 p.
22. *Satow's Guide to Diplomatic Practice.* 6th ed. / ed. by *Sir Ivor Roberts*. – New York: Oxford University Press, 2009. – 730 p.
23. *Satow's Guide to Diplomatic Practice.* 7th ed. / ed. by *Sir Ivor Roberts*. – New York: Oxford University Press, 2017. – 880 p.
24. *Falconi Puig J. E.* Contemporary Developments Relating to the Inviolability of Mission Premises / Juan E. Falconi Puig // Diplomatic law in a new millennium / ed. by *P. Behrens*. 1st ed. – Oxford: Oxford University Press, 2017. – P. 172–178.
25. *Hardy M.* Modern Diplomatic Law / M. Hardy. – Manchester: Manchester University Press, 1968. – 150 p.
26. Трактат о посольствах и послах / Пер. с франц. Е. В. Лавровой; общ. ред., предисл., послесл. и примеч. Л. А. Сифуровой. – М.: Научная книга, 2006. – 251 с.
27. *Абашидзе А. Х.* Право внешних сношений: Учебное пособие / А. Х. Абашидзе, М. В. Фёдоров. – М.: Междунар. отношения, 2009. – 384 с.
28. *Молчанова Е. Р.* Нарушение дипломатической неприкосновенности: возможные пути решения конфликта / Е. Р. Молчанова // Учёные записки СПб филиала РТА. – 2013. – № 4 (48). – С. 53–64.

Andrey P. Shumilenko. Larisa V. Pastukhova. Inviolability of the premises of diplomatic missions of the Russian Federation: analysis of the relevant practice of receiving states // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 3. – P. 325–344.

The article is devoted to the analysis of the dangerous illegal practices of various receiving states regarding their systematic failure to fulfill their obligations to ensure the inviolability of the premises of diplomatic missions of the Russian Federation on their territory. An overview is given of the main elements of the obligations of receiving states in accordance with Article 22 of the Vienna Convention on Diplomatic Relations of 1961. The main types of violations of the obligations of receiving states under this article are identified and considered: illegal entry (intrusion) into the premises of diplomatic missions of the Russian Federation, damage to embassies and missions of Russia, disturbance of the peace of diplomatic missions of the Russian Federation, impairment of the dignity of diplomatic missions of Russia, as well as implementation in relation to embassies and missions of the Russian Federation of investigative, restrictive, compulsory and executive actions. Particular attention is paid to the review and analysis of the relevant international legal practice of the United States of America.

Key words: diplomatic missions, premises of diplomatic missions, immunities of diplomatic missions, inviolability of premises of diplomatic missions.

Spisok literatury:

1. Consideration of effective measures to enhance the protection, security and safety of diplomatic and consular missions and representatives. Resolution adopted by the General Assembly on 6 December 2010. UN Doc. A/RES/65/30. 10 January 2011 // United Nations. Official Document System. URL: <https://documents.un.org/api/symbol/access?j=N1051434&t=pdf> (data obrashcheniya: 01.05.2024).
2. Consideration of effective measures to enhance the protection, security and safety of diplomatic and consular missions and representatives. Resolution adopted by the General Assembly on 14 December 2012. UN Doc. A/RES/67/94. 14 January 2013 // United Nations. Official Document System. URL: <https://documents.un.org/api/symbol/access?j=N1248424&t=pdf> (data obrashcheniya: 01.05.2024).
3. Consideration of effective measures to enhance the protection, security and safety of diplomatic and consular missions and representatives. Resolution adopted by the General Assembly on 10 December 2014. UN Doc. A/RES/69/121. 18 December 2014 // United Nations. Official Document System. URL: <https://documents.un.org/api/symbol/access?j=N1468754&t=pdf> (data obrashcheniya: 01.05.2024).
4. Consideration of effective measures to enhance the protection, security and safety of diplomatic and consular missions and representatives. Resolution adopted by the General Assembly on 13 December 2016. UN Doc. A/RES/71/145. 20 December 2016 // United Nations. Official Document System. URL: <https://documents.un.org/api/symbol/access?j=N1643730&t=pdf> (data obrashcheniya: 01.05.2024).
5. Consideration of effective measures to enhance the protection, security and safety of diplomatic and consular missions and representatives. Resolution adopted by the General Assembly on 20 December 2018. UN Doc. A/RES/73/205. 11 January 2019 // United Nations. Official Document System. URL: <https://documents.un.org/api/symbol/access?j=N1845830&t=pdf> (data obrashcheniya: 01.05.2024).
6. Consideration of effective measures to enhance the protection, security and safety of diplomatic and consular missions and representatives. Resolution adopted by the General Assembly on 15 December 2020. UN Doc. A/RES/75/139. 22 December 2020 // United Nations. Official Document System. URL:

- <https://documents.un.org/api/symbol/access?j=N2036905&t=pdf> (data obrashcheniya: 01.05.2024).
7. Consideration of effective measures to enhance the protection, security and safety of diplomatic and consular missions and representatives. Resolution adopted by the General Assembly on 7 December 2022. UN Doc. A/RES/77/108. 19 December 2022 // United Nations. Official Document System. URL: <https://documents.un.org/api/symbol/access?j=N2274197&t=pdf> (data obrashcheniya: 01.05.2024).
  8. *Vienna Convention on Diplomatic Relations*. Done at Vienna, on 18 April 1961 // United Nations Treaty Series (UNTS). – 1965. – Vol. 500. – № 7310. – P. 96–126, 146–161.
  9. Consideration of effective measures to enhance the protection, security and safety of diplomatic and consular missions and representatives. Report of the Secretary-General. Addendum. UN Doc. A/67/126/Add.1. 28 September 2012 // United Nations. Official Document System. URL: <https://documents.un.org/api/symbol/access?j=N1252821&t=pdf> (data obrashcheniya: 01.05.2024).
  10. Rassmotrenie effektivnykh mer po usileniu zashchity, bezopasnosti i okhrany diplomaticheskikh i konsul'skikh predstavitelstv i predstavitelei. Doklad Generalnogo sekretaria. Dobavlenie. UN Doc. A/71/130/Add.1. 5 October 2016 // United Nations. Official Document System. URL: <https://documents.un.org/api/symbol/access?j=N1631120&t=pdf> (data obrashcheniya: 01.05.2024).
  11. Rassmotrenie effektivnykh mer po usileniu zashchity, bezopasnosti i okhrany diplomaticheskikh i konsul'skikh predstavitelstv i predstavitelei. Doklad Generalnogo sekretaria. UN Doc. A/73/189. 19 July 2018 // United Nations. Official Document System. URL: <https://documents.un.org/api/symbol/access?j=N1823133&t=pdf> (data obrashcheniya: 01.05.2024).
  12. Rassmotrenie effektivnykh mer po usileniu zashchity, bezopasnosti i okhrany diplomaticheskikh i konsul'skikh predstavitelstv i predstavitelei. Doklad Generalnogo sekretaria. UN Doc. A/77/208. 21 July 2022 // United Nations. Official Document System. URL: <https://documents.un.org/api/symbol/access?j=N2243423&t=pdf> (data obrashcheniya: 01.05.2024).
  13. *Bao Y.* The Protection of Public Safety and Human Life vs the Inviolability of Mission Premises: A Dilemma Faced by the Receiving State / Yinan Bao // *Diplomatic law in a new millennium* / ed. by P. Behrens. 1st ed. – Oxford: Oxford University Press, 2017. – P. 149–171.
  14. *Denza E.* *Diplomatic Law. A Commentary to the Vienna Convention on Diplomatic Relations* / Eileen Denza. 2nd ed. – Oxford: Clarendon Press, 1998. – 444 p.
  15. *Denza E.* *Diplomatic Law. A Commentary to the Vienna Convention on Diplomatic Relations* / Eileen Denza. 3rd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – 578 p.
  16. *Denza E.* *Diplomatic law: commentary on the Vienna Convention on Diplomatic Relations* / Eileen Denza. 4th ed. – Oxford: Oxford University Press, 2016. – 471 p.
  17. *Dyomin Yu. G.* Status diplomaticheskikh predstavitelstv i ikh personala / Yu. G. Dyomin. – Uchebnoe posobie. – 2-e izdanie, dopolnennoe. – M.: Mezhdunar. otnosheniya, 2010. – 224 s.
  18. *Ismail M.-B. A.* *Islamic and Transnational Diplomatic Law: a Quest for Complementarity in Divergent Legal Theories* / M.-B. A. Ismail. – UK: Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan, 2016. – XVII, 280 p.
  19. *Nahlík S. E.* *Development of Diplomatic Law: Selected Problems* / S. E. Nahlík // *Académie de droit international. Recueil des Cours*. – 1990. – T. 222. – P. 187–364.
  20. *Sandrovskii K. K.* *Diplomaticheskoe pravo: Uchebnik dlia iurid. in-tov i f-tov* / K. K. Sandrovskii. – Kiev: Vyscha shkola. Golovnoe izd-vo, 1981. – 240 s.
  21. *Satow's Guide to Diplomatic Practice*. 5th ed. / ed. by *Lord Gore-Booth* and *Desmond Pakenham*. – London, New York: Longman, 1979. – 544 p.
  22. *Satow's Guide to Diplomatic Practice*. 6th ed. / ed. by *Sir Ivor Roberts*. – New York: Oxford University Press, 2009. – 730 p.
  23. *Satow's Guide to Diplomatic Practice*. 7th ed. / ed. by *Sir Ivor Roberts*. – New York: Oxford University Press, 2017. – 880 p.
  24. *Falconi Puig J. E.* *Contemporary Developments Relating to the Inviolability of Mission Premises* / Juan E. Falconi Puig // *Diplomatic law in a new millennium* / ed. by P. Behrens. 1st ed. – Oxford: Oxford University Press, 2017. – P. 172–178.
  25. *Hardy M.* *Modern Diplomatic Law* / M. Hardy. – Manchester: Manchester University Press, 1968. – 150 p.
  26. *Traktat o posolstvakh i poslakh* / Per. s frants. E. V. Lavrovoi; obshch. red., predisl., poslesl. i primech. L. A. Sifurovoi. – M.: Nauchnaia kniga, 2006. – 251 s.
  27. *Abashidze A. Kh.* *Pravo vneshnikh snoshenii: Uchebnoe posobie* / A. Kh. Abashidze, M. V. Fedorov. – M.: Mezhdunar. otnosheniia, 2009. – 384 s.
  28. *Molchanova E. R.* *Narushenie diplomaticheskoi neprikosновенnosti: vozmozhnye puti resheniia konflikta* / E. R. Molchanova // *Uchenye zapiski SPb filiala RTA*. – 2013. – № 4 (48). – S. 53–64.